

Иногда
правда ставит
точный диагноз...

ИЗМЕНА.
ДИАГНОЗ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ

DARK COLT

Dark Colt

ИЗМЕНА. Диагноз окончательный

<https://litres.ru/74474229>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ночную смену акушеру-гинекологу привозят редчайший интимный случай и одним из двух пациентов оказывается её собственный муж.

Ещё несколько часов назад Олег написал Марине: «Люблю».

Теперь он перед ней в такой ситуации, которую уже невозможно ни скрыть, ни объяснить случайностью. Марина натягивает привычную маску профессионала и спокойно говорит:

— Сначала вас расцепим, Олег. С разводом разберёмся потом.

Только вот поставить диагноз измене оказалось куда проще, чем решить, что делать с двадцатью годами брака.

Редкий случай закончится к утру. А вот последствия — только начинаются.

Содержание

Глава 1. Доставили	4
Глава 2. Дома	21
Глава 3. Дети	46
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Dark Colt

ИЗМЕНА. Диагноз окончательный

Глава 1. Доставили

К половине второго ночи Марина успела принять женщину с кровотечением, успокоить будущего отца, который нервничал заметно сильнее собственной рожаящей жены, выпить три глотка холодного кофе и окончательно смириться с тем, что до утра этот кофе, скорее всего, останется единственным.

Дежурство было обычным.

Таким, после которого человек, далёкий от медицины, на следующий день рассказывал бы страшные истории, а врач снимал обувь у порога, ставил телефон на беззвучный режим и надеялся, что семья даст поспать хотя бы несколько часов.

Марина закончила запись в истории болезни и потянулась к кружке, когда в дверях появилась Лена.

— Марина Сергеевна?

По её лицу было понятно, что кофе снова отменяется.

— Что?

— Скорая звонила. Везут пациентку. Случай... необычный.

Марина отодвинула кружку.

— Насколько необычный?

Лена прикрыла за собой дверь и подошла ближе.

— После полового акта сильный спазм. Они не могут разъединиться. Женщине больно. Пытались сами подождать, расслабиться, но не получилось. Вызвали скорую.

Марина на секунду задержала взгляд на медсестре.

Редчайшая ситуация. Из тех, вокруг которых ходит в десятки раз больше анекдотов, чем существует реальных медицинских наблюдений. Но если женщина испытывала боль и страх, они только усиливал спазм, смешного здесь не было ничего.

— Состояние?

— Стабильное. Кровотечения нет. Бригада предупредила заранее, чтобы не тащить их через приёмное отделение.

— Правильно. Сразу в отдельную смотровую. Минимум людей, — Марина кивнула в сторону двери. — И позови Андрея Викторовича.

— Уже сказала ему, — ответила Лена, открывая дверь.

— Хорошо. Я сейчас подойду.

И Лена ушла, а Марина всё-таки взяла кружку, посмотрела на поверхность давно остывшего кофе и поставила обратно.

Перед сменой муж смеялся над её недовольством ночным

дежурством.

— Зато завтра весь день дома.

— Завтра я весь день труп.

— Красивый труп.

Она велела ему не льстить врачу перед работой, затем поцеловала дочь, напомнила сыну-подростку, чтобы не сидел до двух ночи за компьютером, и уехала.

Около одиннадцати написала Олегу: «Не жди, ложись. Здесь весело».

Он ответил почти сразу: «Держись, доктор. Люблю».

Марина улыбнулась тогда, убрала телефон в карман халата и пошла принимать очередную пациентку.

Сейчас о сообщении она даже не вспомнила, потому что в клинику через несколько минут приехала скорая.

Никакого движения через общие коридоры не было. Бригада заехала со служебной стороны, пациентку сразу доставили в подготовленную смотровую. Всё сделали быстро и настолько деликатно, насколько вообще позволяли обстоятельства.

Фельдшер встретил Марину у двери.

— Пациентке двадцать восемь лет. Острая боль возникла во время близости, потом выраженный спазм. Самостоятельно разъединиться не смогли. По дороге немного спокойнее стала, но ситуация пока сохраняется. Давление стабильное, кровотечения не видим.

Марина внимательно слушала, уточняя только необходи-

мое:

— Травма?

— Явных признаков нет. Полноценный осмотр, сами понимаете, в машине невозможен.

— Понимаю.

— Мужчина тоже в сознании, состояние нормальное. Оба очень нервничают.

— Сейчас посмотрим, — кивнула она и направилась в смотровую.

Фельдшер открыл дверь.

Пациентку укрыли простынями, оставив открытым только то, что было необходимо для работы. Мужчина находился рядом с ней в вынужденном положении, тоже прикрытый настолько, насколько это было возможно.

Марина сначала увидела только девушку, она была очень бледной. Волосы спутаны, на лбу выступил пот, а пальцы сжимали край простыни.

— Здравствуйте, — сказала Марина, подходя ближе. — Я Марина Сергеевна, дежурный акушер-гинеколог. Сейчас постараемся вам помочь. Только, пожалуйста, больше не пытайтесь разъединиться самостоятельно.

Девушка быстро кивнула.

— Я уже не пытаюсь, — тихо простонала она, голос слегка дрожал.

— Как вас зовут?

Марина говорила спокойно, не торопясь. Сейчас важно

было хотя бы немного снизить её страх.

— Кристина.

Лена передала Марине данные.

Кристина Романовна Белова. Двадцать восемь лет.

— Кристина, боль сейчас такая же сильная?

— Чуть меньше. Наверное... — девушка судорожно всхлипнула, — Я уже не понимаю.

— Хорошо. Если станет хуже, сразу говорите. Мне нужно сначала оценить ваше состояние.

— Да.

Мужчина с ней молчал всё это время. Он находился неудобно, почти боком к Марине, и не пытался смотреть в её сторону.

Она отметила это машинально. Мужчинам в такой ситуации чаще всего было страшно, неловко и совершенно непонятно, куда девать глаза.

Марина задала ещё несколько вопросов и выпрямилась. В этот момент мужчина осторожно переставил руку, устраиваясь удобнее, и часы на его запястье попали в свет лампы. Она неожиданно задержала на них взгляд. Очень похожие на те, что она подарила мужу два года назад.

На мгновение мелькнула нелепая мысль, и она посмотрела внимательнее. Знакомая рука, плечо, профиль...

Олег.

Марина нервно сглотнула, и несколько секунд просто смотрела на него, не в силах заставить увиденное сложиться

в нормальную картину.

Марина знала это лицо двадцать лет.

Знала, как оно выглядит спросонья, после алкоголя, при температуре, во время злости, смеха, усталости. Знала морщинку возле левого глаза, появившуюся несколько лет назад, знала этот взгляд... и сейчас, сознание отказывалось принимать очевидное...

Её муж лежал в этой смотровой рядом с молодой женщиной, с которой всё ещё физически не мог разъединиться.

— Марин...

Лена возле столика замерла, как и сама Марина, всего на долю секунд, которые показались вечностью.

Кристина посмотрела на Олега, потом на Марину. И по её лицу Марина поняла, что ошибиться невозможно.

Олег Андреевич Лебедев, её муж, находился перед ней именно в той ситуации, которая не нуждалась ни в объяснениях, ни в догадках.

Марина не сразу почувствовала боль. Сначала было просто неверие. Почти профессиональное раздражение сознания, которому показывают очевидный факт, а оно всё равно пытается найти другую причину.

Она смотрела на мужа и почему-то замечала совершенно ненужные вещи: складку на простыне, тень от лампы на его плече, край собственной перчатки.

— Марин, я могу объяснить... — где-то отдалённо звучал в ушах голос мужа, что Марина не смогла даже пошевелить-

ся.

Кристина болезненно втянула воздух. Этого оказалось достаточно. И Марина перевела взгляд на пациентку.

Перед ней была женщина, которой требовалась помощь, а Олег мог подождать.

— Кристина, смотрите на меня. Боль усилилась? — невольно спокойно прозвучал её голос, что Марина сама поразилась этому.

— Немного.

— Хорошо. Постарайтесь не напрягаться. Я понимаю, что это проще сказать, чем сделать.

Та нервно кивнула, а Олег снова открыл было рот, но Марина посмотрела на него уже более собранным и профессиональным взглядом врача.

— Сначала вас расцепим, Олег. С разводом разберёмся потом.

И он замолчал.

Слово вырвалось раньше, чем она успела его обдумать, и Марина сразу это поняла. Но возвращать сказанное обратно было поздно. Она не собиралась сейчас принимать решение о двадцатилетнем браке. Для этого были слишком яркий свет, слишком больная пациентка и слишком неподходящее время.

Однако Олег, похоже, услышал только одно.

— Марин, подожди. Я понимаю, как это выглядит, но дай мне хотя бы...

— Олег, у меня сейчас пациентка, которой больно. А ты — последняя проблема, которой я собираюсь заниматься в эту минуту.

На этот раз он послушался и не стал настаивать, но тишина продержалась недолго.

Кристина тихо сказала:

— Простите.

Марина повернулась к ней и увидела, что теперь в её взгляде к боли примешивался ещё и страх.

— Сейчас мы занимаемся только вашим состоянием, — ровно произнесла Марина, не мягко и не жёстко, просто как врач.

Дверь открылась, вошёл Андрей Викторович.

Он быстро оценил происходящее, выслушал Марину, задал несколько уточняющих вопросов. Марина ответила профессионально, коротко, без лишних деталей, потом сняла перчатки.

— Дальше возмёшь?

Андрей взглянул на неё.

— Конечно.

Ему хватило нескольких секунд, чтобы понять: вопрос не медицинский.

— Я буду рядом, если понадобится, — добавила Марина.

— Не понадобится, иди.

Она повернулась к Кристине:

— Андрей Викторович продолжит. Вы в надёжных руках.

Кристина снова попыталась что-то сказать, но Марина уже вышла.

В коридоре было тихо. Лена прикрыла дверь изнутри, и Марина осталась одна. Только теперь оказалось, что идти ей, собственно, некуда.

Домой сейчас нельзя. Там дети, а Марина понятия не имела, какое у неё будет лицо, когда Алиса или Максим спросят, как прошло дежурство. Да и само дежурство еще не завершилось. До утра еще далеко.

Оставалась ординаторская. До неё Марина дошла почти машинально, закрыла за собой дверь и опустилась на стул возле стола. Только теперь, когда рядом никого не было и больше не требовалось быть врачом, мысли полезли разом, перебивая одна другую.

Она упёрлась ладонями в колени и глубоко вдохнула. Потом ещё раз.

Не помогло.

Перед глазами снова возникла смотровая. Чужая женщина под простынёй. Олег рядом с ней. Его часы. Его лицо, когда он наконец понял, кто вошёл в палату.

Господи...

Это действительно был Олег.

Её Олег.

Марина резко закрыла лицо руками.

Первый всхлип вырвался так неожиданно, что она сама его испугалась. Попыталась проглотить следующий, стисну-

ла зубы, но внутри словно что-то сорвалось. Слёзы хлынули сразу, такие горячие, злые и совершенно неконтролируемые.

— Сука... — выдохнула она в ладони.

Кому именно? Ему, ей, этой ночи, самой себе за то, что несколько часов назад улыбалась его «Люблю»... Марина и сама не знала.

Она согнулась, прижав локти к животу. Было больно почти физически, где-то под рёбрами, так, что хотелось растереть это место рукой, будто там можно было что-то исправить.

Двадцать лет...

Вот, что никак не помещалось в голове. Не то, что у Олега оказалась другая женщина. Даже не то, как Марина об этом узнала. А то, что сегодня утром он пил кофе на их кухне. Вчера спорил с Алисой из-за телефона. На выходных они втроём с Максимом выбирали, что заказать на ужин. Перед её сменой он обнял Марину, назвал красивым трупом и поцеловал так привычно, что она даже не запомнила сам поцелуй.

А потом поехал к другой.

От этой простой мысли её снова скрутило.

Марина вытерла лицо ладонями, но слёзы продолжали течь. Хотелось встать, швырнуть что-нибудь в стену, позвонить Олегу и заорать так, чтобы слышала вся больница. Хотелось потребовать объяснений. Хотелось никогда больше его не видеть.

И одновременно — совершенно нелепо — хотелось, чтобы сейчас открылась дверь и выяснилось, что всё это какая-то чудовищная ошибка.

Но ошибки не было.

Она несколько раз прошла по ординаторской, будто не могла найти себе места. В конце концов остановилась у стола. Телефон лежал рядом с журналом дежурств. Марина взяла его почти по инерции. Время показывало 02:16. На экране всё ещё висела переписка с Олегом.

«Не жди, ложись. Здесь весело».

«Держись, доктор. Люблю».

Она прочитала его ответ и положила телефон обратно.

Сидеть оказалось хуже, поэтому Марина встала, подошла к раковине, включила воду. Потом выключила, так и не умывшись. За стеной больница продолжала жить совершенно обычной ночной жизнью. Кто-то прошёл по коридору. Где-то открылась дверь. С поста позвали медсестру. Ей хотелось хотя бы несколько минут ничего не решать и ни о чём не думать, но мысли всё равно возвращались к одному и тому же.

Его лицо, когда он повернулся.

И невозможность придумать происходящему хоть какое-то другое объяснение.

Телефон завибрировал, и Марина схватила его, ожидая увидеть сообщение от мужа.

Это был Максим.

«Мам, ты не спишь?»

Она сразу ответила:

«Я на дежурстве. А ты почему не спишь?»

Через несколько секунд пришёл ответ:

«Воды ходил пить. Папы нет».

Марина смотрела на сообщение дольше, чем требовалось.

Хотела написать: «Наверное, вышел».

Задумалась и сразу стёрла, отправив другое:

«С папой всё в порядке. Я потом объясню. Иди спать».

Максим ответил почти сразу:

«Это звучит подозрительно».

Уголок её рта дрогнул, даже сейчас он умудрялся быть собой.

«Спать, Макс».

«Ладно. Люблю».

Марина убрала телефон в карман.

Она не знала, где Олег собирался быть этой ночью изначально и что собирался сказать детям утром, если бы Максим спросил, почему его не было дома. Сейчас это не имело значения. Разбираться в его алиби ей не хотелось. Факт уже стоял у неё перед глазами.

Через двадцать минут пришлось вернуться в отделение. У пациентки после операции поднялась температура, затем позвонили из родзала. Марина работала, отвечала на вопросы, проверяла назначения, и какое-то время это помогало.

Работа требовала внимания и не позволяла развалиться.

Поэтому ей было просто необходимо собрать все силы и продолжать своё ночное дежурство.

Почти через сорок минут Андрей нашёл её у поста.

— Марин.

Она сразу поняла, о чём речь.

— Как она?

— Всё нормально. Спазм разрешился. По осмотру серьёзных повреждений нет, состояние стабильное. Пока оставим под наблюдением.

Марина кивнула.

— Хорошо.

Андрей не уходил.

— Тебя подменить?

— Нет.

— Уверена?

— Да. Мне сейчас лучше работать.

Он посмотрел на неё внимательно, но спорить не стал.

— Хорошо. Если что, я рядом.

— Спасибо, — с трудом выдавила она видимость улыбки на лице, после чего Андрей ушёл.

Лена занялась бумагами, старательно не задавая ни одного вопроса. И Марина была ей за это благодарна.

Минут через десять в конце коридора появился Олег. На этот раз одетый почти нормально. Брюки он успел надеть, туфли тоже. Рубашку явно накинуд на ходу, было видно, что половина пуговиц оставалась расстёгнутой, один край вы-

бился из брюк. Пиджак он держал в руках.

Он шёл быстро и, увидев Марину, сразу направился к ней.

Она смотрела на него и думала только о том, насколько нелепо сейчас выглядит человек, который ещё утром совершенно спокойно пил кофе на их кухне.

— Марин, я могу всё объяснить.

Марина перевела взгляд на его рубашку.

— Сначала оденься, Олег. Хотя бы для разнообразия.

Он замер на несколько секунд.

На этот раз ей самой не стало легче от собственной реплики, а Олег быстро застегнул несколько пуговиц, будто только сейчас заметил свой вид.

— Давай выйдем куда-нибудь. На пять минут.

— Я на работе, — сухо напомнила Марина.

— Я вижу.

В его голосе уже слышалось раздражение, и это окончательно вывело её из себя. Марина вскинула на него взгляд.

— Тогда зачем предлагаешь?

— Потому что это нельзя оставить так.

Впервые за эту ночь Марина увидела на его лице настоящий страх. Не неловкость и не раздражение — страх. Она знала мужа слишком хорошо, чтобы не заметить его, но разбираться сейчас, чего именно испугался Олег, не хотела.

Неужели, Олег боялся её потерять?!

Мысль была настолько дикой, что Марина даже не нашла, как на неё реагировать.

— Я не хочу сейчас с тобой разговаривать.

— Но ты уже сказала про развод.

— Я сказала это в смотровой, когда увидела тебя с другой женщиной. Не заставляй меня сейчас принимать решения.

— Я и не заставляю. Наоборот, я прошу ничего не решать сгоряча.

— Тогда мы наконец-то друг друга поняли.

Он шагнул ближе.

— Это не то, что ты думаешь.

Марина посмотрела на него, и Олег осёкся. Наверное, сам услышал, насколько нелепо это прозвучало.

— Нет, — быстро сказал он. — Не так. Я не это хотел сказать.

— Хорошо.

— Марин, пожалуйста.

Она устала. Не за эту ночь, а в целом, гораздо быстрее и сильнее, чем могла объяснить.

— Сегодня домой не приезжай, — тихо выдохнула она наконец.

Олег нахмурился.

— Что?

— Переночуй где-нибудь. В гостинице, у друга, не знаю, мне всё равно. Детям я сама скажу, что ты не придёшь.

— Почему?

Марина несколько секунд смотрела на него.

— Ты действительно сейчас спрашиваешь?

— Я хочу поговорить с тобой дома.

— А я не хочу видеть тебя дома сегодня.

Он провёл ладонью по лицу.

— Дети.

— Именно поэтому. Они спят. Пусть хотя бы до утра всё останется нормальным.

Олег опустил руку.

— Хорошо.

Сказал он это уже тихо, без прежней уверенности, и Марина отвернулась к компьютеру.

— Иди. Мне нужно работать.

Он не ушёл сразу, неуверенно сделал шаг, затем обратно. Пытался поймать её взгляд, но она даже не обернулась. И тогда он просто сказал:

— Я тебе напишу.

Марина ничего не ответила, и через несколько секунд шаги удалились по коридору.

Лена продолжала что-то печатать, не поднимая глаз.

— Марина Сергеевна, у тринадцатой палаты давление упало, — сказала она так буднично, будто последних пяти минут не существовало.

— Сильно?

Лена назвала цифры, и Марина встала.

— Пойдём посмотрим.

Телефон завибрировал уже по пути в палату. У самой двери Марина остановилась, одной рукой взялась за ручку, дру-

гой достала телефон.

Это было сообщение от Олега.

«Пожалуйста, ничего не решай сейчас. Я люблю тебя».

Марина перечитала последние три слова. Несколько часов назад она улыбнулась бы, увидев их на экране. Но сейчас от них стало больше, чем от всего, что Олег успел ей сказать. Она просто погасила экран, убрала телефон в карман и вошла в палату собрав остатки самообладания.

До конца ночного дежурства оставалось ещё несколько часов. А утром ей предстояло вернуться домой, где всё ещё лежали его вещи, стояла его чашка и спали их дети.

Только мужа, которого Марина оставила дома вечером, больше не существовало.

Глава 2. Дома

Марина не помнила, как завершилась эта сумасшедшая смена, зато к утру отчаянно нуждалась в крепком кофе.

Хотя нет.

Одним кофе тут дело не исправить.

Нужен был напиток покрепче.

Не имея возможности побаловать себя вторым вариантом, она кое-как добралась домой, и ещё в прихожей почувствовала запах свежего кофе. Сначала даже не поняла, откуда он взялся. Потом увидела кофеварку с выставленным таймером и вспомнила: вчера утром сама засыпала зёрна. Рассчитывала вернуться с дежурства, выпить одну чашечку и лечь спать.

Кофеварка честно выполнила свою часть плана.

На кухонном столе лежала записка от Алисы: «Мам, купи ватман!!! Очень надо!!!» Три восклицательных знака означали, что дочь вспомнила о школьном проекте уже у двери и теперь ответственность официально передана взрослым.

Рядом стояла Максимова кружка, а в раковине, как обычно по утрам, тарелка с засохшим желтком. Марина смотрела на неё несколько секунд, потом вдруг почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

Двадцать лет она пыталась приучить троих человек ставить посуду в посудомоечную машину. Двоим ещё можно

было сделать скидку на возраст. Третий вчера вечером отправился к любовнице.

Марина сняла пальто, вернулась на кухню и всё-таки переставила тарелку в машину.

Привычка пережила даже это.

Она налила кофе, открыла холодильник, машинально осмотрела полки и уже собиралась закрыть дверцу, когда увидела банку оливок. Олег любил именно эти. С косточкой, хотя Марина терпеть не могла потом находить косточки в блюде возле дивана. Она каждый раз ворчала, он каждый раз обещал убрать, иногда даже убирал.

Вот на этой банке её и пробило.

Не на фотографиях, которые стояли в гостиной. Не на свадебном альбоме, который уже лет десять никто не открывал. Не на его тапочках в прихожей.

На оливках!

Марина захлопнула холодильник, села за стол и закрыла лицо руками. В больнице она всё же смогла довести своё дежурство до победного конца. Там ей помогали стены, халат, люди, которым требовалась помощь. А здесь ничего не помогало.

Она заплакала сразу же с судорожными вдохами, мокрым лицом и злостью на саму себя за то, что даже после ночного дежурства не может просто лечь и отключиться. Перед глазами снова возник Олег в смотровой. Марина попыталась прогнать картинку и не смогла.

— Спасибо, — сказала она вслух, вытирая щёки. — Очень хотелось запомнить мужа именно так.

В пустой кухне собственный голос прозвучал почти чужим. Она допила остывающий кофе, пошла в душ и там снова расплакалась. После душа стало чуть легче хотя бы потому, что с кожи исчез больничный запах. Марина натянула старый домашний свитер, собрала влажные волосы и вернулась на кухню.

В половине одиннадцатого пришло сообщение от Олега.

«Дети ушли?»

Она подтвердила коротким ответом:

«Да».

Через минуту появилось новое:

«Можно приехать?»

Ещё вчера вопрос показался бы абсурдным. Олег двадцать лет открывал эту дверь своими ключами и никогда не спрашивал разрешения войти домой.

Марина посмотрела на экран и написала:

«Приезжай».

Он появился через двадцать минут. Ключ повернулся в замке, потом хлопнула дверца шкафа в прихожей. Олег снял обувь, повесил куртку, и все эти привычные звуки почему-то раздражали сильнее, чем если бы он вошёл шумно и виновато.

Марина осталась сидеть за столом. Он появился в дверях кухни и остановился. Выглядел так, будто тоже не спал: се-

рое лицо, щетина, помятая рубашка. Марина слишком хорошо знала это лицо. После ночных перелётов оно, бывало, таким же.

— Как ты? — спросил Олег.

Она даже не сразу ответила.

— Ты сейчас серьёзно?

— Нет. То есть да. Глупый вопрос.

— Очень, — язвительно прошипела она.

Он прошёл к столу, отодвинул стул, и не сел.

— Я ночевал в гостинице.

— Отлично.

— Один.

Марина удивлённо подняла на него глаза.

— Я не спрашивала.

— Я знаю. Просто подумал, что ты должна знать.

— А я не знаю, что именно я теперь должна знать, Олег,
— вспыхнула она вдруг.

Он наконец сел, очень осторожно, будто тем самым спрашивал разрешение и на это.

Между ними стояла сахарница, которой никто не пользовался уже несколько лет. Когда Алисе было девять, она написала её розовым лаком для ногтей. Сердечко на крышке получилось кривым, лак растёкся, дочь тогда расплакалась, а Олег полчаса убеждал её, что именно так и выглядят самые дорогие дизайнерские вещи.

Марина провела ногтем по застывшей капле розового ла-

ка. Смотреть на мужа она пока не могла.

— Я не знаю, с чего начать, — сказал он.

— С правды попробуй, — буркнула она недовольно и тяжело вздохнула.

Слишком больно было смотреть на него, на этот его винюватый вид. Он как-то неловко кивнул, будто именно такого ответа и ожидал.

— Я встречался с Кристиной, — начал он хриплым голосом, положил руки на стол, сцепил пальцы, но почти сразу же разжал.

Марина подняла на него глаза.

— Это я уже поняла.

— Я имею в виду... не один раз.

Она резко отдернула руку от сахарницы.

— Тогда говори нормально.

Олег поднялся так быстро, что ножки стула скрипнули по полу. Прошёл к окну, остановился, но уже через секунду повернулся обратно. В тесной кухне ему явно некуда было девать ни руки, ни себя самого.

— Мы спали вместе. Иногда.

— Иногда? — переспросила Марина.

Он поморщился, понимая, что опять выбрал не то слово.

— Да. Но никаких отношений между нами не было, — нервно провел рукой по волосам и выпалил на выдохе, — Ничего серьёзного!

Марина грустно усмехнулась:

— И давно эта несерьёзность?

Олег взялся за спинку стула, но садиться не стал.

— Несколько месяцев, — тихо прошептал нерадивый супруг опуская голову.

Пальцы Марины легли на крышку сахарницы. Она сняла её и тут же поставила обратно. Фарфор громко стукнул о фарфор.

Несколько месяцев...

Всё это время он возвращался домой, садился за этот стол, разговаривал с детьми, ложился рядом с ней. И ни разу ничем себя не выдал.

Олег снова сел. Теперь он ждал вопросов, но Марина молчала.

— Всё? — не выдержал он.

— А чего ты ждёшь? — посмотрела она на мужа.

— Вопросов.

— Каких? Сколько раз? В каких гостиницах? В какие дни ты говорил мне, что удержишься на работе?

Он опустил глаза, и Марина добавила:

— Нет. Мне это не нужно.

— Марина, я отвечу на всё.

— Я не хочу всё. Я хочу понять одну вещь.

Марина придвинула к себе пустую кружку, хотя пить уже было нечего, и обхватила её ладонями.

— Как ты жил с этим дома?

Олег нахмурился. Пальцы, до этого лежавшие на столе,

медленно сжались.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты утром завтракал с нами. Мы обсуждали детей, счета, отпуск, мою работу. Ты мог поцеловать меня, написать мне среди дня, вечером лечь рядом. А потом шёл к другой женщине и возвращался обратно.

Чем дольше Марина говорила, тем сильнее давила пальцами на кружку. Она подняла взгляд на мужа.

— Как это у тебя внутри не сталкивалось?

Олег отвёл глаза.

— Я понимаю, как это выглядит.

Марина коротко усмехнулась, но усмешка тут же исчезла.

— После сегодняшней ночи тебе лучше какое-то время осторожнее пользоваться словами «как это выглядит».

Олег закрыл глаза и потёр переносицу:

— Да, я заслужил.

Никакого удовольствия от этого маленького укола Марина не почувствовала. Он сидел напротив, такой знакомый до мелочей, родной ещё вчера, и от этого всё происходящее становилось только хуже.

Олег положил ладонь на стол, будто хотел протянуть её к Марине, но остановился.

— Я не собирался от тебя уходить. Даже не думал об этом.

Она посмотрела сначала на его руку, потом ему в лицо.

— Ты правда считаешь, что мне от этого должно стать легче?

— Я не знаю, что должно стать легче, — он убрал руку со стола. — Я пытаюсь объяснить, что Кристина не была для меня заменой тебе. Я не выбирал между вами.

— А что ты делал?

— Не знаю. Увлёкся. Закрутилось! — Олег развёл руками, словно другого объяснения у него не было.

Марина чуть подалась вперёд.

— Само?

Олег шумно выдохнул, качнул головой и отвёл взгляд.

— Ну конечно, не само. Не придирайся сейчас к словам!

— Я не придираюсь, — Марина отодвинула кружку и выпрямилась. — Я пытаюсь понять, как взрослый человек, который умеет руководить сотней людей и считать деньги на огромных проектах, вдруг обнаруживает себя в ситуации «закрутилось».

— Я сказал неудачно.

— А как удачно?

Олег раздражённо откинулся на спинку стула. Несколько секунд смотрел куда-то мимо неё, затем снова повернулся.

— Никак удачно это не скажешь. Да, я поступил как сволочь. Да, я всё испортил. Но я не жил второй семьёй, не обещал Кристине, что разведусь, не собирался строить с ней дом и рожать детей. Это не было выбором вместо тебя.

Марина медленно придвинула кружку обратно.

— Тогда кем она была?

Он потёр ладонями колени и ответил не сразу:

— Увлечением.

Рука Марины замерла на ручке кружки.

— Увлечением?!

— Я знаю, как это звучит.

— Нет, по-моему, ты не знаешь, — покачала она головой.

— А что я должен сказать? — Олег развёл руками. — Что это была великая любовь? Тебе было бы лучше?

— Может быть, я хотя бы поняла, ради чего ты всё это поставил под удар.

Олег резко выпрямился, что стул под ним качнулся.

— Я ничего не собирался ставить под удар! В этом и есть то, что ты не хочешь слышать. Я не хотел терять семью. Я люблю тебя. Я люблю детей. То, что произошло с Кристиной, для меня не означало, что всё между нами закончилось.

— Для тебя не означало. А я теперь знаю, что ты несколько месяцев приходил домой и вёл себя так, будто ничего не происходит.

— Я не притворялся дома.

Марина медленно отняла руки от кружки.

— Что?

— Я не притворялся, когда разговаривал с тобой, занимался детьми, строил наши планы. Не врал, когда говорил, что люблю тебя. Дома для меня всё было по-настоящему.

Несколько секунд Марина просто смотрела на него.

— И при этом ты скрывал, что спишь с другой женщиной.

Олег открыл рот, собираясь возразить, но остановился.

Провёл ладонью по затылку и отвёл глаза.

— Да. Скрывал.

Она уставилась на него:

— Вот это и называется врать.

Олег выдержал её взгляд всего несколько секунд, затем поморщился и провёл ладонью по затылку.

— Да, понял. Сам слышу.

— Слава богу!

Он поднялся и пошёл к окну.

Кухня была маленькая, и серьёзного мужского хождения хватило ровно на три шага туда и три обратно. Олег остановился возле подоконника, упёрся в него ладонями, постоял так немного, затем повернулся.

— Я не хочу, чтобы одна моя ошибка уничтожила двадцать лет нашей жизни.

Марина медленно покачала головой.

— Ты опять называешь это одной ошибкой.

— Я называю ошибкой саму связь.

— Которая длилась несколько месяцев, — укоризненно добавила она.

— Да! Несколько месяцев! — Олег оттолкнулся от подоконника, голос прозвучал громче, чем прежде. — И я виноват. Но у нас с тобой двадцать лет. Двое детей. Мы столько всего прошли. Неужели это вообще ничего не значит?

Марина опустила взгляд на свои руки.

— Значит. Вот поэтому и больно.

Олег постоял ещё немного, потом вернулся к столу и тяжело опустился на стул.

— Тогда зачем сразу всё ломать?

Марина медленно подняла кружку и поставила обратно на стол.

— Я пока ничего не ломала. Я сегодня ночью тебя увидела с любовницей. Давай хотя бы порядок событий не будем менять.

— Я не перекладываю на тебя ответственность.

— Пока нет.

Олег подался вперёд:

— Что это значит?

— Значит, я жду, когда появится «но».

— Какое ещё «но»?

Марина начала загибать пальцы:

— «Я виноват, но ты много работала». «Я виноват, но мы отдалились». «Я виноват, но секса стало меньше». Выбирай.

Олег уже открыл рот, но ничего не сказал. Губы сжались, взгляд скользнул в сторону, и Марина всё поняла.

— Значит, всё-таки есть.

— Есть что? — недовольно процедил он.

— То самое «но».

— Господи... — закатил он глаза, раздражаясь еще больше и с силой провёл обеими ладонями по лицу. — Нельзя же любую попытку объяснить, воспринимать как обвинение!

— Тогда объясни.

Олег молчал, а Марина ждала, сначала глядя на него, потом снова на кружку. Тишина затягивалась, и ей уже захотелось забрать собственные слова обратно, не потому, что она боялась ответа, а потому, что не была уверена, что сможет его спокойно выслушать.

Наконец Олег опустил руки.

— Да, мы отделились.

Марина ждала чего-то подобного, но пальцы всё равно сильнее стиснули ручку кружки.

— Насколько?

— Я не знаю, как это измерять, — устало выдохнул он опуская глаза.

— Ну ты же как-то измерил настолько, что появилась Кристина.

Олег резко поднял голову.

— Опять ты всё к ней сводишь.

— Потому что она существует.

— Я в курсе!

Марина вздрогнула от его голоса. Олег тут же откинулся назад, словно и сам испугался того, как громко это прозвучало.

— Я не говорю, что из-за тебя пошёл и завёл любовницу, — продолжил он уже тише. — Это было моё решение. Дурацкое. Подлое. Какое хочешь. Но если ты спрашиваешь, всё ли у нас было хорошо, то нет.

Марина оттолкнула кружку сильнее, чем собиралась. Та

скользнула по столу и остановилась возле сахарницы.

— И когда ты собирался мне об этом сообщить?

— Я говорил.

— Что именно? — она пристально вглядывалась в его глаза.

— Что тебя дома почти нет. Что ты всё время устала. Что мы никуда не ходим вдвоём.

Марина подалась вперёд, уперевшись ладонями в край стола.

— Ты говорил: «Опять дежурство?» Это не признание в семейном кризисе.

— Потому что я сам не ходил с табличкой «у нас кризис»!

— Олег рубанул ладонью по воздуху. — Я думал, ты видишь.

— Я не видела, — голос Марины повысился, но сдерживать его она уже не пыталась.

— Вот!

Марина снова вздрогнула. Олег дёрнул стул назад, будто собирался встать, но тут же сел и упёрся локтями в колени.

— Вот об этом я и говорю. Ты не видела, — с нажимом повторил он, — У тебя больница, дети, Алисины танцы, Максимова поступление, миллион дел. И я где-то там тоже был. Между покупкой продуктов и списком на выходные.

Марина скрестила руки на груди.

— Какая трагедия!

— Не надо так.

— А как надо? Я после дежурства сижу и слушаю, что

недостаточно качественно обслуживала мужа эмоционально?

— Да господи, я не об этом!

— Тогда о чём?

Олег провёл ладонью по лицу и задержал её на подбородке.

— О том, что я рядом с тобой давно чувствовал себя... не знаю. Функцией, что-ли! Муж. Отец. Человек, который должен заплатить, отвезти, решить, договориться. Я прихожу домой, и у всех ко мне что-то есть. Кроме тебя! У тебя ко мне чаще всего вообще ничего нет, потому что ты устала.

Марина резко подалась вперёд, но Олег поднял ладонь, не дав ей перебить:

— И да, секса стало меньше. Нам обоим за сорок, я не идиот и понимаю, что мы не студенты. Но дело не только в сексе. Я иногда подходил к тебе, а ты даже не замечала. «Не сейчас, я завтра рано». «Подожди, Алиса не спит». «У меня голова квадратная, после смены». И так всё время!

— Не всё время, — чуть сбавила тон Марина и нервно сглотнула.

— Хорошо, не всё. Но, часто!

— А ты, значит, страдал молча?! — разочарованно закивала она головой.

— Не издевайся.

— Я не издеваюсь.

Марина встала, потому что сидеть напротив него и спо-

койно слушать дальше она уже не могла. Сделала шаг к раковине, но остановилась, не дойдя, и повернулась.

— Я правда пытаюсь понять, где я должна была догадаться, что следующей стадией будет любовница.

— Не было никакой стадии!

— Тогда зачем ты сейчас это рассказываешь?

Олег замолчал.

Марина осталась стоять возле стола, а Олег сидел, сцепив руки между коленями, и смотрел в пол. На несколько секунд в кухне стало слышно только холодильник. Потом он разжал пальцы и поднял голову.

— Потому что с ней я снова чувствовал себя мужчиной.

Марина замерла. Слова дошли до неё не сразу. Когда она наконец поняла их смысл, её качнуло, и ладонь сама нащупала край стола.

— А со мной?

Олег опустил голову. Его пальцы снова сцепились между коленями.

— Я не это хотел сказать.

Марина всё ещё опиралась ладонью о край стола.

— Нет, уже сказал.

— С тобой я чувствовал себя мужем, близким и родным человеком. Но там... — Он запнулся и потёр большим пальцем костяшку другой руки. — Там на меня смотрели иначе.

— Как?

Олег поднял на неё глаза, но почти сразу отвёл.

— Не заставляй меня это объяснять.

— Ты сам начал.

Он сжал губы. На щеке дёрнулся желвак.

— Ей было интересно, что я говорю. Она спрашивала про работу и слушала ответ, а не проверяла параллельно сообщения. Радовалась, когда у меня что-то получалось. Смотрела на меня так, будто я...

— Будто ты коммерческий директор крупной компании, красивый взрослый мужчина с деньгами и свободным вечером?

Олег откинулся назад, словно она толкнула его.

— Вот зачем ты так?

— А как мне?

Марина развела руками и тут же уронила их вдоль тела.

— Я не говорю, что она святая и любила меня чистой любовью! — Олег подался вперёд, пытаясь поймать её взгляд.
— Я говорю о том, что чувствовал рядом с ней.

Марина отвернулась к окну.

Отмахнуться от его слов было сложнее, чем хотелось. Она действительно могла разговаривать с Олегом и одновременно отвечать в рабочем чате. Могла забыть, что он рассказывал о важной встрече, а вечером спросить о том же самом. Иногда он обижался, а она считала это ерундой. Близость между ними не исчезла и не превратилась в обязанность, но за последние годы между желанием и возможностью всё чаще вставали дежурства, дети, усталость и необхо-

димось подниматься в шесть утра. Олег несколько раз предлагал куда-нибудь выбраться вдвоём. Однажды Марина действительно работала, в другой раз заболела Алиса. Почему они никуда не пошли в третий, она уже не помнила.

Марина провела ладонью по лицу. Впервые за весь разговор её уверенность пошатнулась.

— Может быть, я правда тебя не слышала, — сказала она наконец. — Может, я тебя и правда где-то проворонила. Может, слишком много работала. Может, мы оба привыкли, что двадцать лет, это уже навсегда и можно ничего не объяснять. Я не знаю. Но это было, между нами, Олег. Ты мог прийти ко мне и сказать, что тебе плохо. Мог заорать, в конце концов. А ты пошёл к ней.

Олег вскинул голову.

— Я не хочу сейчас делать из тебя виноватую.

Марина повернулась к нему.

— Но делаешь.

— Потому что ты спрашиваешь, почему это произошло!

— Я спрашиваю, как ты мог жить двойной жизнью.

— Я не считал её двойной! — Олег выпрямился на стуле.

— В том-то и дело. Я вообще не воспринимал происходящее таким образом.

Марина медленно подошла к столу.

— Вот этого я и не понимаю.

Олег развёл руками.

— Я тоже сейчас уже не понимаю, как мог.

— Сейчас не понимаешь, а вчера понимал. И месяц назад понимал. Ты ведь приходил домой и не сходил с ума от противоречия.

— Потому что отделял одно от другого.

Марина остановилась напротив него.

— Семейю от измены? — голос чуть сорвался на этих словах.

Олег помедлил, и опустил взгляд на собственные ладони.

— Да. Наверное, именно так... — прежней уверенности в его голосе уже не было. — Кристина была отдельно. Дом отдельно. Я не собирался приводить её сюда, знакомить с детьми, строить с ней будущее. Мне казалось... — он запнулся и качнул головой. — Мне казалось, это можно не смешивать.

Марина долго смотрела на него, после чего устало выдохнула:

— А меня спросить, согласна ли я жить в таком браке, ты не подумал?

Олег открыл рот, но ответа так и не нашёл. Его плечи медленно опустились.

— Вот и всё! — Марина отодвинула стул, но садиться не стала. — У нас могли быть проблемы. Наверняка были! Я много работала, уставала, могла тебя не слышать. Возможно, мне действительно стоило раньше заметить, что мы куда-то съезжаем. Но это были наши с тобой проблемы. А появление Кристины... это уже не наша общая ответственность.

— Я знаю, — чуть слышно выдохнул муж.

— Нет! — Марина покачала головой. — Мне кажется, только сейчас начинаешь понимать.

Олег откинулся на спинку стула и посмотрел в сторону окна. Сахарница оказалась возле его локтя. Он машинально поправил съехавшую крышку и развернул розовое сердечко к себе.

Марина увидела это движение и отчётливо вспомнила маленькую Алису с перепачканными лаком пальцами. Вновь вспомнила, как Олег сидел рядом и терпеливо доказывал дочери, что она ничего не испортила. И в глазах снова защищало.

Этот Олег тоже был настоящим. Как и тот, которого ночью привезли в больницу.

Марина отвела лицо, чтобы он не увидел новых слёз.

— Я не хочу потерять вас, — поникшим голосом произнёс Олег.

Она быстро вытерла щёку тыльной стороной ладони.

— Ты уже сделал то, после чего это стало неизбежным.

— Дай мне всё исправить, — взмолился он на этот раз.

Марина повернулась к нему.

— Как?

— Не знаю. Семейный психолог. Можем уехать куда-нибудь, побыть вдвоём. Я прекращу всё с Кристиной.

Олег достал телефон, положил его на стол экраном вверх и подтолкнул к Марине.

— Можешь смотреть, когда угодно. Мне больше нечего скрывать.

Марина опустила взгляд на телефон, но не прикоснулась к нему.

Вот какую жизнь он ей предлагал. Теперь она будет проверять его сообщения, сопоставлять опоздания с командировками, всматриваться в его лицо при каждом звонке и сомневаться всякий раз, когда он скажет, что задержится.

Возможно, доверие когда-нибудь возвращается. Возможно, другие люди умеют пережить подобное и начать заново. Но Марина сейчас не могла представить себя в такой жизни.

Она посмотрела Олегу в глаза.

— Я подам на развод.

Он застыл на этих словах, как истукан. Ладонь осталась лежать рядом с телефоном. Несколько секунд Олег смотрел на неё так, словно не понял сказанного.

— Что?

— Я хочу развестись, — тихо повторила Марина.

— Подожди. Нет-нет, — замешкался перепуганный супруг.

Он резко поднялся, едва не опрокинув стул, и сразу схватился за его спинку.

— Мы оба сейчас на эмоциях. Ты сутки не спала.

— Именно поэтому я очень хотела, чтобы ты сказал что-нибудь такое, после чего мне станет понятно, как остаться.

— Я и говорю! — Олег отпустил стул и шагнул к ней. —

Я люблю тебя. Я готов всё прекратить. Готов сделать всё, что нужно.

Марина не отступила, хотя ей пришлось запрокинуть голову, чтобы продолжать смотреть ему в лицо.

— А я слушаю тебя два часа и всё сильнее понимаю, что не смогу жить как раньше.

— Час, — машинально поправил Олег.

Марина перевела взгляд на часы. Несколько секунд они молчали.

Ей вдруг захотелось засмеяться — не от веселья, а потому, что даже сейчас Олег остался собой. Он поправлял неточности в тот момент, когда жена сообщала ему о разводе.

— Хорошо, час, — согласилась Марина. — После дежурства ощущается как два.

Уголок его рта дрогнул, но улыбки не получилось.

— Ты правда решила?

Марина кивнула.

— Да.

— Из-за одной связи.

Она прикрыла глаза и медленно выдохнула.

— Не начинай снова.

— Я не начинаю. Я просто не могу поверить, что всё. Вот так.

Олег отпустил спинку стула и отступил на шаг.

— А я не могу поверить в то, что случилось ночью. Но оно случилось.

Он опустил взгляд, плечи снова ссутулились. А немного погодя он спросил чуть слышно:

— Ты меня ещё любишь?

Вопрос оказался настолько прямым, что Марина не сразу нашлась с ответом. Можно было соврать, сказать «нет» и закончить разговор проще. Только она не смогла, лишь провела пальцами под глазами, стирая остатки слёз.

— Люблю. Наверное, поэтому мне так плохо.

Олег поднял голову. На мгновение в его лице появилось что-то похожее на надежду.

— Тогда зачем разводиться?

Марина покачала головой.

— Потому что это не одно и то же.

Надежда исчезла так же быстро, как и появилась. Олег медленно опустился на стул и замолчал.

Марина не стала ничего объяснять. Она и сама сейчас не смогла бы подобрать слова точнее.

Через некоторое время Олег потёр ладонями лицо и спросил:

— Что скажем детям?

Марина прислонилась бедром к краю стола. От одного упоминания детей на неё снова навалилась усталость.

— Хорошо, что наших родителей уже нет... — обессиленно прошептала она и посмотрела на мужа, который резко поднял голову и пытался возразить:

— Марин...

Она перебила его, не дав возможности договорить:

— Им хотя бы не придётся видеть этот позор. А детям...

— на последнем слове голос дрогнул. Марина помолчала и закончила уже твёрже, — Детям придётся.

Олег отвёл взгляд.

— Скажем правду, но без подробностей, — продолжила она.

— Про Кристину?

— Скажем, что у тебя была другая женщина. Они не маленькие, — горький вздох вырвался непроизвольно от одной лишь мысли, что сложно будет объяснить подобное двум подросткам и разрушить их привычный мир.

Олег сцепил руки и уставился на них.

— Алиса меня возненавидит, — совсем глухо прозвучал его голос в этот момент.

— Не знаю.

— Ты будешь говорить с ней одна? — Олег осторожно поднял взгляд и замер в ожидании.

— Нет, — Марина выпрямилась. — Мы оба.

Он кивнул и провёл ладонью по колену.

— Сегодня?

Марина посмотрела на часы.

— Давай завтра. Я не спала сутки и не хочу разговаривать с Алисой в состоянии, когда могу заплакать из-за банки оливков.

Олег машинально посмотрел на холодильник.

— Каких оливков?

— Неважно.

Он перевёл взгляд обратно на Марину. По лицу было видно, что хочет спросить ещё что-то, но Олег только кивнул.

— Мне сегодня тоже не возвращаться?

— Да. Возьми вещи на несколько дней.

Его пальцы сильнее сжались на колене, затем разжались.

— Хорошо, — произнёс он глухо, затем поднялся, забрал со стола телефон и пошёл в спальню.

Марина осталась на кухне. Она слышала, как он открывал шкаф, выдвигал ящики, потом долго что-то искал в ванной. Обычно она бы крикнула, где лежит нужное. За двадцать лет они привыкли знать друг за друга расположение половины вещей в доме.

Но, Марина промолчала.

И через несколько минут Олег вернулся со спортивной сумкой на плече.

— Я напишу вечером.

— Хорошо, — кивнула она головой и отвела взгляд не в состоянии смотреть на его виноватый вид.

Он задержался возле двери кухни. Снял сумку с плеча, перехватил её в руку, но уходить не спешил.

— Мне правда жаль.

Марина посмотрела на него.

— Я знаю.

И это было правдой.

Олег вышел в прихожую. Она услышала, как закрылась входная дверь, а через несколько секунд зашумел лифт. Затем убрала со стола пустую кружку, машинально проверила, закрыт ли холодильник, и пошла в спальню.

На его половине кровати лежала смятая подушка.

Марина легла на свою сторону, натянула одеяло и закрыла глаза.

На этот раз сон пришёл почти сразу.

Глава 3. Дети

К четырём часам следующего дня Алиса успела дважды спросить, почему папа не ночевал дома, один раз поссориться с Максимом из-за зарядки и сообщить матери, что на ужин она «ничего тяжёлого не хочет», после чего съела половину пачки печенья.

Марина наблюдала за ней из кухни и думала, что ещё вчера всё это было обычной жизнью.

Алиса сидела за столом в школьной толстовке, листала телефон и время от времени морщилась на сообщения из класса. Рюкзак валялся у стула, молния на боковом кармане была расстёгнута, оттуда торчала тетрадь по алгебре.

— Мам, ты ватман купила?

Марина замерла у холодильника, пытаясь вспомнить, куда его вообще положила.

— Купила.

— Где?

— В прихожей. За шкафом посмотри.

— Спасибо.

Алиса даже не подняла головы.

Марина достала контейнер с едой, поставила на стол.

— Ты нормально поешь сначала.

Дочь покосилась на контейнер.

— Я печенье ела.

— Я заметила.

— Значит, организм сам выбрал.

— Организм в четырнадцать лет вообще много чего выбирает неправильно.

Из гостиной донёсся голос Максима:

— Подтверждаю.

Алиса наконец оторвалась от телефона и повернулась в сторону дивана.

— Тебя никто не спрашивал.

— Именно поэтому мнение объективное.

Она показала брату средний палец.

— Очень взросло, — прокомментировал Максим.

— Отстань.

Марина отвернулась к раковине.

Вот так они разговаривали вчера. Позавчера. Неделю назад.

Максим растянулся на диване с ноутбуком, якобы занимаясь подготовкой к экзаменам, хотя, судя по звукам периодически отвлекался на что-то совсем не учебное. Алиса ещё утром жаловалась на учительницу истории. На сушилке висела форма Марины после ночного дежурства. На холодильнике магнитом была прижата квитанция за танцы.

Всё стояло на своих местах.

Только Олега дома не было.

В половине пятого он должен был приехать. Марина по-

смотрела на часы и тут же пожалела об этом.

Алиса заметила.

— Ты кого-то ждёшь?

— Папу.

Большой палец дочери замер над экраном.

— А он где вообще был?

В гостиной стихло постукивание клавиш, первый признак того, что Максим тоже слушал.

Марина замерла на секунду, потом закрыла холодильник, чуть сильнее, чем собиралась. Косо посмотрела на дверцу, что откровенно выдавала её нынешнее состояние и тихо вздохнула:

— Приедет, поговорим.

Алиса нахмурилась.

— О чём?

— Когда приедет.

— Мам, ненавижу, когда взрослые так говорят.

— Я знаю.

— Это всегда значит что-то плохое.

Марина хотела сказать, что иногда нет, но врать сейчас даже по мелочи показалось особенно мерзко.

Максим закрыл ноутбук и поставил его рядом.

— Папа вчера тоже домой не приходил.

Алиса резко повернулась к брату.

— И?

Он пожал плечами:

— И ничего.

— А ты знал?

— Я ночью заметил.

— Почему мне не сказал?

Максим посмотрел на неё как на человека, задающего очень странный вопрос, и развёл руками.

— Потому что ты спала.

— Отличная причина.

— Будить тебя в три часа и сообщать, что папиной куртки нет в прихожей?

— Макс!

— Что?

— Хватит, — негромко сказала Марина.

Оба посмотрели на мать. Вот теперь стало совсем тихо. Марина почувствовала, как разговор начинает уходить туда, куда она пока не готова.

— Ребят, папа скоро будет. Давайте дождёмся его.

Алиса медленно положила телефон на стол и осторожно спросила:

— Вы разводитесь?

Марина замерла.

Максим тоже повернулся к ней.

— Потому что у Сони родители так делали, — быстро продолжила Алиса, словно боялась, что её перебьют. — Сначала папа не ночевал дома, потом они сказали, что «надо поговорить всей семьёй». Я просто спрашиваю, мам.

Она не просто спрашивала. Марина видела это по тому, как дочь вцепилась пальцами в край рукава.

Максим ничего не сказал, но уже не отводил от матери глаз.

— Мы поговорим, когда папа приедет, — как можно спокойнее произнесла Марина и снова взялась за контейнеры.

В обычной жизни домашние дела прекрасно спасали от лишних мыслей. Можно было мыть, складывать, переставлять и минут десять вообще ничего не решать.

Сегодня хозяйственная терапия не сработала.

Алиса отодвинула контейнер.

— Я уже не хочу есть.

Марина посмотрела на неё.

— Три минуты назад хотела.

— Передумала.

Дочь скрестила руки на груди и отвернулась.

— Очень своевременно.

— Мам! — возмутилась дочь и Марина вскинула руки:

— Молчу.

Максим потёр ладонью колено. До этого он сидел тихо, но теперь всё-таки посмотрел на мать.

— Мам, может, лучше сейчас?

— Нет.

Марина посмотрела сначала на него, потом на дочь.

— Папа должен быть здесь.

Звонок в дверь прозвучал почти сразу, после этих слов,

что Алиса вздрогнула и зачем-то поправила волосы.

Марина пошла открывать.

Олег стоял на площадке с тем же выражением лица, с каким люди приходят туда, где заранее знают, что будет плохо, но всё равно надеются ошибиться.

— Они дома?

— Оба.

Он кивнул беспомощно вздыхая, и Марина отступила, пропуская его.

Олег разулся привычно, поставил ботинки на своё место и только потом будто вспомнил, что больше здесь не живёт. Задержался возле шкафа, посмотрел на свою куртку, оставшуюся на вешалке, и прошёл дальше.

Алиса уже стояла в дверях гостиной.

— Пап?

Олег улыбнулся ей слишком быстро:

— Привет, зайка.

Она подошла, обняла его, но почти сразу отстранилась и заглянула в лицо.

— Что происходит?

Олег посмотрел на Марину, всего на секунду, но Марина заметила. И впервые почти разозлилась не на него, а на самую необходимость сейчас ему помогать.

— Давайте сядем.

— Нет, — Алиса мотнула головой. — Скажите уже в конце концов!

Максим поднялся с дивана.

— Алис.

— Что? Я не хочу садиться, как на семейном совете.

Олег провёл ладонью по затылку.

— Хорошо. Можно и так.

Через минуту всё равно все уже сидели.

Максим устроился на краю дивана и положил закрытый ноутбук на колени. Алиса забралась рядом, поджав под себя одну ногу. А Марина заняла кресло.

Олег сначала остался стоять.

Потом всё-таки сел с другого края дивана, оставив между собой и дочерью расстояние, которого раньше никогда не оставлял.

Алиса это заметила.

— Вы разводитесь? — снова повторила свой вопрос обеспокоенная дочь.

Олег сцепил руки между коленями.

— У нас с мамой сейчас очень серьёзные проблемы. Я пока проживу отдельно, и...

Марина повернула голову, и он осёкся. Несколько секунд смотрел в пол, затем всё-таки договорил:

— Мама решила, что мы будем разводиться.

Алиса мгновенно перевела взгляд на неё.

— Ты решила? — голос у неё заметно повысился.

Марина выдержала взгляд дочери.

— Да.

— Почему?

Вопрос прозвучал с двух сторон сразу.

Алиса удивлённо покосилась на брата. Максим нахмурился, но глаз от матери не отвёл.

Олег сжал руки сильнее.

— Потому что я сделал очень плохую вещь.

Алиса повернулась к нему.

— Какую?

Он молчал.

Секунду.

Вторую.

Марина поняла, что ещё немного, и это молчание станет хуже любых слов. И поэтому договорила за него:

— У папы появилась другая женщина.

Пальцы Алисы медленно разжались на рукаве. Она посмотрела на мать, будто не поняла, потом на отца.

— Какая женщина?

Олег поднял голову.

— Алис...

— Нет, подожди. Какая?

— Неважно, кто она.

— Как это неважно?

— Для тебя — неважно! — жёстче, чем собирался, ответил Олег.

Алиса замолчала. Несколько секунд смотрела на отца, будто пыталась понять что-то ещё, чего взрослые ей пока не

сказали.

— Ты с ней спал?

Вопрос дочери вылетел резко, почти сердито.

Марина невольно сжала пальцы на краю стола. Вот этого вопроса она ждала и всё равно оказалась к нему не готова.

Олег опустил голову.

Алисе хватило и этого.

— Господи, пап...

Марина почувствовала, как внутри всё сжалось, а Олег побледнел, отвёл глаза и тихо произнёс:

— Не надо тебе знать такие подробности.

Алиса отшатнулась.

— Значит, да.

Олег снова ничего не ответил. Максим опустил взгляд на ноутбук и провёл большим пальцем по его краю.

Алиса вдруг посмотрела на мать.

— Может, ты неправильно поняла?

Вот теперь в голосе была надежда, совсем детская. Марина даже не успела ответить, как Олег медленно покачал головой:

— Нет. Мама всё поняла правильно.

Алиса смотрела на него ещё несколько секунд.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Пап, ты сейчас серьёзно? — в глазах дочери заблестела влага, она в неверии продолжала качать головой отрицая

услышанное.

Он поднял глаза на дочь и повторил твёрже:

— Да.

— Фу! — сказала она тихо, почти шёпотом, и отвернулась.

Олег дёрнулся, будто Алиса ударила его.

Максим всё это время молчал. Только палец то и дело скользил по крышке ноутбука, будто ему обязательно нужно было чем-то занять руки. Но после последнего «Фу!» Алисы он наконец поднял голову.

И Марина едва узнала выражение его лица. Не злость даже, а что-то гораздо хуже, почти взрослое, холодное презрение, которое совсем не вязалось с её сыном. С тем Максимом, который ещё неделю назад мог спорить с отцом из-за какой-нибудь ерунды, а через полчаса уже тащил ему показывать новый ролик.

— И давно это у тебя, пап?

В голосе сына не было ни истерики, ни растерянности Алисы. Только такая холодная неприязнь, что Олегу явно стало не по себе. Он посмотрел на сына, и на этот раз ответ дался ему не сразу.

— Несколько месяцев.

Палец Максима замер на крышке ноутбука.

— Сколько?..

Он нахмурился, словно только сейчас по-настоящему понял, что означают эти слова.

— Пап, скажи, что это хотя бы один раз было. Ну... один раз переспал с ней, облажался — и всё!

Олег дёрнул уголком рта, но ничего похожего на улыбку не получилось. Плечи как-то сразу осели.

— Нет, Максим.

— То есть ты к ней ходил? Постоянно? Несколько месяцев?

— Да.

— Охренеть...

— Максим, — машинально одёрнула Марина.

Сын тут же повернулся к ней:

— Мам, ты серьёзно? Вот сейчас тебя волнует, что я сказал «охренеть»?

И Марина осеклась.

Действительно.

Тоже мне, нашла проблему.

Алиса резко повернулась к брату.

— Зачем ты это спросил?

— Хотел знать.

— И что, тебе теперь лучше?

Он посмотрел на сестру.

— Нет.

Алиса вскочила так резко, что задела коленом журнальный столик.

— Вы вообще нормальные? Что значит несколько месяцев?

— Алиса...

Олег тоже поднялся, но дочь отступила.

— Не подходи.

Он остановился.

— Хорошо.

— Ты же папа!

Эта фраза ударила сильнее всего, что Олег замер.

Алиса уже плакала, но злилась на собственные слёзы, размазывая их ладонью по щеке.

— Ты каждый день домой приходил! С нами ужинал. Ты мне проект по физике делал!

— Помогал, — автоматически поправил Олег.

— Какая разница сейчас?!

— Большая, — тихо заметил Максим. — Проект я делал.

Алиса развернулась к брату.

— Макс, заткнись!

— Уже.

На секунду Марина едва не улыбнулась. Не потому, что было смешно. Просто Максим даже сейчас оставался Максимом.

Алиса снова повернулась к отцу.

— Ты собирался уйти?

— Нет.

— От нас?

— Нет. Никогда.

— Тогда зачем?!

Олег открыл рот, закрыл и потёр ладонью лицо.

Марина слишком хорошо его знала. Тот же вопрос она задавала ему вчера. Но сейчас он услышал его совсем иначе.

Не от жены, а от дочери.

— Не знаю, как тебе нормально ответить.

Алиса всхлипнула:

— Попробуй ненормально.

Олег опустил руки.

— Я думал только о себе. Мне казалось, что смогу сделать так, чтобы вас это вообще не коснулось.

Максим язвительно усмехнулся:

— И как, интересно?

Олег посмотрел на сына.

— Никак! Сейчас я это понимаю.

— А тогда?

— Тогда был уверен, что смогу отделить одно от другого.

Максим молчал, по его лицу было видно, что ответ не помог.

Алиса медленно вернулась на диван.

— И теперь вы разводитесь.

Марина кивнула.

— Да.

Дочь втянула носом воздух.

— А если он больше не будет, мам?

— Алис...

— Что? — она резко посмотрела на мать. — Папа сказал,

что не собирался уходить. Пусть больше с ней не встречается. И всё!

Марина заметила, как напрягся Олег.

— Дело не только в ней.

— А в чём?

Марина сцепила пальцы на коленях. Как объяснить четырнадцатилетнему ребёнку то, что ещё вчера сама не могла нормально сформулировать?

— Я не могу сейчас жить с папой так, будто ничего не случилось.

— Почему?

— Потому что я ему больше не доверяю.

Алиса замерла.

Марина сама удивилась, насколько просто это прозвучало, даже без длинных объяснений.

— Может, потом будешь.

— Может быть. Я не знаю, милая, но только не сейчас.

Алиса зло вытерла щёки.

— И поэтому сразу развод?

— Не сразу. Просто ты узнала об этом сразу.

— А нас спросить?

Марина почувствовала боль почти физически.

Вот именно от этих слов.

— Алис... — тихо прошептала она, но дочь не желала сдаваться:

— Ты просто решила, и всё? А мы? Ты подумала о нас?

Олег сделал шаг вперёд.

— Алиса, не надо.

Дочь вскинула на него мокрые глаза.

— Ты вообще молчи!

Он резко остановился.

— Это ты всё испортил! — выкрикнула она. — А мама теперь разводится. И вы оба такие взрослые, у вас свои решения. А мы с Максом что?

Максим нахмурился.

— Не вписывай меня пока.

— Конечно! Тебе семнадцать, тебе всё равно!

Он резко поднял голову.

— Мне не всё равно.

— Тогда почему ты сидишь как робот?

Несколько секунд Максим смотрел на сестру и у него дрогнула челюсть.

— Потому что, если я начну орать, лучше не станет.

И Алиса замерла на секунду.

Марина посмотрела на сына и только сейчас поняла, чего ему стоит это спокойствие, Олег тоже заметил.

— Макс...

— Не надо сейчас, пап, — вскинул рукой Макс, не яростно, просто устало.

Олег кивнул и больше к нему не полез.

Алиса снова всхлипнула:

— Почему обязательно развод? Почему сразу?

Марина пыталась подобрать слова, но дочь уже выпалила:
— Вы двадцать лет были нормальными! Нельзя было ещё хотя бы четыре года потерпеть?!

И тут, повисла тишина. Максим первым понял арифметику и повернулся к сестре.

— До твоих восемнадцати?

— Да! — зло бросила она ему, и он прикрыл рот рукой.

Алиса моментально вспыхнула:

— Не смейся!

— Я не смеюсь.

— Ты смеёшься!

— Я нервно дышу.

Марина не выдержала в этот раз, и из неё вырвался короткий звук, что-то среднее между смешком и всхлипом.

Алиса уставилась на неё.

— Вам смешно?!

— Нет, — Марина покачала головой. — Совсем нет.

— Тогда что?

— Просто четыре года... очень конкретный срок.

— Потому что мне будет восемнадцать! Вот тогда и делайте что хотите!

Олег закрыл лицо ладонями, плечи у него дёрнулись, но он не издал ни звука. Только Алиса поняла и без этого.

— Пап!

Он сразу убрал руки.

— Я не смеюсь над тобой. Честно.

— Вы... вы все ненормальные!

— Возможно, — тихо сказал Максим.

Алиса метнула в него взгляд и злобно прошипела:

— Ещё слово, и я тебя убью.

— Всё. Молчу.

Она снова повернулась к Марине.

— Так нельзя! Мам! Слышишь, нельзя!

И вот здесь Марина не нашла ответа. Можно было говорить о доверии, об уважении к себе, о том, что взрослые не должны сохранять разрушенный брак только ради детей.

Но Алисе сейчас не нужны были правильные слова.

Она хотела, чтобы вечером во дворе снова появилась отцовская машина. Чтобы Олег вошёл, бросил ключи на тумбу и спросил, кто съел сыр.

Чтобы ничего не изменилось!

Марина пересела с кресла на край дивана, ближе к дочери.

— Я знаю, что тебе страшно.

Алиса шмыгнула носом.

— Не знаешь.

— Наверное, не до конца.

— Тогда зачем ты это делаешь?

Олег резко поднял голову.

— Алиса, хватит!

Дочь повернулась к нему.

— Что «хватит»?

— Не надо делать маму виноватой.

— Я не делаю!

— Вот именно сейчас, делаешь.

Он выдохнул и потёр ладонью колено.

— Если бы я не изменил, этого разговора сейчас не было бы. Это я виноват, а не мама.

— Я и на тебя злюсь!

— Я знаю.

— Не говори «я знаю»!

— Хорошо.

Алиса сердито вытерла нос рукавом.

— Ты сейчас её защищаешь?

Олег посмотрел на Марину, потом снова на дочь.

— А что я должен сделать?

— После того, что сделал?

— Поэтому и защищаю. Она здесь ни при чём.

Марина отвела взгляд. Ей было больно это слышать. Ещё более оттого, что даже сейчас, когда между ними самими почти ничего не осталось, они каким-то образом продолжали быть родителями вместе.

Алиса села и обхватила себя руками.

— А где ты будешь жить?

Олег ответил не сразу, словно сам только сейчас позволил себе перейти от вчерашнего к завтрашнему.

— Пока в гостинице. Потом сниму квартиру.

— Далеко?

— Постараюсь недалеко.

— Ты будешь приходить? — совсем уже по-детски и капризно звучал голос дочери.

— Конечно.

— Когда? — недовольно буркнула Алиса, продолжая в том же тоне, и Олег бросил короткий взгляд на Марину.

И на этот раз не за разрешением, скорее потому, что ответ касался их обоих.

Тогда Марина сказала:

— Мы договоримся. Папа никуда из вашей жизни не исчезнет.

Алиса посмотрела то на одного, то на другого.

— А Новый год?

До Нового года оставалось почти три месяца, и всё же Олег растерялся.

— Не знаю пока.

— А мой день рождения?

— Алиса, он через семь месяцев, — напомнил Максим.

— Какая разница?! — бросила она на брата злобный взгляд, и тот просто покачал головой, соглашаясь:

— Никакой, правильно. Прости.

Марина поняла, что дочь мысленно уже бежит по календарю вперёд, проверяя, какие ещё привычные вещи у неё отнимут. Осторожно погладила её по плечу и ласково сказала:

— Алис, посмотри на меня.

Дочь нехотя подняла глаза.

— Я не знаю, где мы будем праздновать Новый год. И не

знаю, как всё устроится к твоему дню рождения. Но папа останется твоим папой. Ты его не потеряешь.

Губы Алисы задрожали.

Олег сделал движение к ней и остановился. Вначале, посмотрел на Марину, и после того, как она едва заметно кивнула, он сел рядом.

Алиса сначала отстранилась, но через секунду сама уткнулась ему в плечо и разрыдалась.

— Я тебя ненавижу, пап! Ты всё разрушил.

Олег закрыл глаза и обнял дочь.

— Понимаю, зайка.

— И люблю, всё равно.

Он прижал её крепче и погладил по волосам, как в детстве, когда успокаивал дочь в пятилетнем возрасте, после падения с велосипеда. Перед глазами Марины всплывали образы его отцовской заботы. И от этого сердце Марины разрывалось на части.

— Я тебя тоже, — ласково прошептал отец дочери.

— И всё равно ненавижу, — не унималась Алиса и продолжала рыдать на его груди.

— Ладно.

— Не «ладно»! — буркнула она снова капризно и ударила своим маленьким кулачком.

— Хорошо. Не ладно.

Марина смотрела на эту сцену с таким умилением, что готова была разрыдаться сама. Один Бог знал сколько сил ей

требовалось, чтобы сейчас не сорваться.

Максим поднялся, и Марина посмотрела на него.

— Ты куда?

— В комнату.

— Макс...

Он остановился.

— Мам, я просто больше не хочу сейчас об этом.

Марина не стала настаивать. Олег тоже поднялся и серьёзно посмотрел на сына.

— Если захочешь поговорить...

Максим перевёл взгляд на отца. Раньше в этом взгляде всегда было что-то почти заговорщическое. Они могли без слов понять друг друга, когда Алиса в третий раз меняла платье перед выходом или Марина просила наконец убрать со стола.

Сейчас этого не было.

— Я знаю, где тебя найти, — холодно бросил Максим.

Олег принял и этот удар. Уже от сына. И не сказал лишнего. А Максим развернулся, просто ушёл и тихо закрыл дверь.

Марина сразу поняла, что это хуже хлопка.

Алиса вытерла лицо рукавом и тоже поднялась.

— Я никого видеть не хочу.

— Хорошо, — быстро согласился отец, и Марина тоже кивнула в знак согласия.

— И ужинать не буду.

— Хорошо, — на этот раз Марина озвучила своё согласие,

только дочь видимо решила воспользоваться ситуацией и тут же продолжила свои капризы:

— И завтра в школу тоже не пойду.

— Нет. Вот это уже обсудим, — строго произнесла Марина, что Алиса уставилась на неё так, будто мать окончательно потеряла совесть.

— Ты сейчас серьёзно?

— Серьёзно. Развод разводом, но контрольную по геометрии никто не отменял.

— У меня вообще-то травма, — возмутилась Алиса, стирая остатки слёз.

— Я вижу.

— Психологическая, если что!

— Утром посмотрим.

Алиса негодуя всхлипнула, но спорить не стала. А у двери своей комнаты остановилась и обернулась на отца.

— Ты завтра придёшь?

Олег ответил не сразу.

— Если захочешь.

— Не знаю.

— Тогда напиши или позвони.

Она кивнула и ушла.

Вот её дверь хлопнула уже как положено.

Олег и Марина остались в гостиной вдвоём. На столе лежал закрытый ноутбук Максима. Из кухни доносился тихий гул холодильника. А за стеной у Алисы несколько раз звяк-

нул телефон.

Олег сел на край дивана и устало потёр ладонями лицо.
— Я думал, будет хуже.

Марина недовольно хмыкнула и посмотрела на него.

Он опустил руки и тяжело вздохнул, скорее даже протяжно и безнадежно:

— Нет. Вру. Я вообще не думал, как будет.

Вот это уже больше походило на правду.

Марина ничего не ответила.

Через несколько минут Олег поднялся. В прихожей долго надевал куртку. Сначала застегнул молнию, потом зачем-то снова расстегнул, проверил карманы, хотя ключи от машины всё это время держал в руке. Было понятно, что уходить ему не хотелось. Или хотелось сказать что-то ещё. Только подходящих слов за этот вечер он, кажется, уже не найдёт.

— Если что-нибудь понадобится...

— Я напишу.

— Марин...

Она подняла на него глаза. Олег постоял ещё секунду и всё-таки покачал головой.

— Ничего.

И вышел.

Марина закрыла дверь, повернула замок и прислонилась спиной к стене. Только сейчас из груди вырвался воздух, который она, кажется, держала весь этот бесконечный вечер.

Перед глазами вдруг полезло всё подряд. Не сегодняшний

Олег — растерянный, виноватый, с ключами в руке. А другой, тот молодой и смешной. Потом уже взрослый Олег с новорождённым Максимом на руках. Олег, который среди ночи искал Алисе жаропонижающее. Их отпуск, кухня, Новый год, какая-то дурацкая ссора из-за шкафа, примирение через полчаса...

Двадцать лет не умещались в одну измену, как бы ей сейчас ни хотелось запихнуть их туда целиком и захлопнуть крышку.

Марина крепко зажмурилась.

Господи!

Как же хотелось разрыдаться.

Не так, красиво и беззвучно, как плачут героини в кино, чтобы тушь оставалась исключительно художественными дорожками на щеках. А нормально!

Навзрыд!

С завыванием, соплями, распухшим носом и полным отсутствием человеческого достоинства. Можно даже сползти по стене и распластаться прямо здесь, в прихожей.

Она бы с удовольствием. Но за стеной были дети.

Алиса уже кому-то сердито отвечала голосовым сообщением. Видимо, жизнь четырнадцатилетнего человека не собиралась останавливаться даже из-за развода родителей.

У Максима по-прежнему было тихо.

И вот е

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.